

Оглавление

Об авторе

Иэн Р. Маклауд — автор книг «Светлые века», «Дом бурь» (The House of Storms), «Великое колесо» (The Great Wheel) и множества рассказов и повестей. Роман «Песнь времени» (Song of Time) в 2008 году получил премию Артура Кларка. Роман «Красный снег» (Red Snow) стал финалистом премии «Локус» в номинации «Лучший хоррор».

Часть первая. ГРАНДМАСТЕР	7
Часть вторая. РОБЕРТ БОРРОУЗ	21
Часть третья. РОББИ	167
Часть четвертая. ГРАЖДАНИН	233
Часть пятая. АННА БОРРОУЗ	451
Часть шестая. ДЕТИ НОВОГО ВЕКА	60

I

Я до сих пор вижу ее.

Вижу в беднейших районах Лондона. За новыми чугунными мостами, по которым трамваи бегут над паромами в том краю, где Темза запустила растопыренные пальцы в заиленные отмели. Вижу далеко за пределами окраинных трущоб Истерли, пусть место и не обозначено ни на каких картах. Там кишат мухи и драконьи вши, летом не вдохнуть из-за смрада городских сточных вод, а холодной зимой все серое от смога, и даже самые гнусные фабриканты туда не заглядывают.

Там, где заканчиваются лондонские лачуги и свалки, я вижу своего подменыша.

Я вижу ее, когда в лабиринте улиц выбираю пути, ведущие прочь от моего прекрасного дома в Норт-Сентрале. Вижу, когда взволнован или рассеян, и когда действительность становится зыбкой. Позади высокие дома Гайды. Позади элегантные грандмистрис, выгуливающие собак — тонконогих, пернатых, с негодными для полета крыльями или пучками шерсти, похожими на радужный мох; мне эти существа кажутся вовсе не собаками. Я прохожу мимо громадных магазинов на Оксфорд-роуд и невероятных деревьев в Большом Вестминстерском парке, где колясочки и зонтики дрейфуют, словно бумажные лодки; пересекаю

Чипсайд, где улицы сужаются и выцветают, а небо скукоживается и тускнеет, потому что надвигается вечер, и крыши с дымоходами теряют четкость. Клеркенуэлл и Хаундсфлит. Уайтчепел и Ашингтон. Воняет мусором и псиной — уродливыми, обычными собаками, которые к тому же громко лают. Нельзя сказать, что вокруг царят бесчестие и нищета, хотя контраст с районами, где началось мое путешествие, уже разительный. Люди, живущие в этой части Истерли, все еще мастера, а не безгильдейцы-мизеры; благодаря принадлежности к той или иной гильдии у них есть работа и прилично обставленное жилье.

В конце концов — уже после того, как Чипсайд переходит в Докси-стрит, а трамваи достигают конечной станции Степни — грязные улицы начинают вести то в гору, то с горы, а дома — клониться в разные стороны, как неровные зубы. Здесь, на окраине Истерли, не посмеет поселиться ни один гильдеец. Я вглядываюсь в жителей, снующих по окрестностям, похожим на гармошку в руках гиганта: женщины кутаются в грязные шали, мужчины — в пивной перегар, а от проворных бледных детей веет смутной опасностью. Не тут ли пролегает граница, за которой рождается подлинная нищета?

Раз за разом обстоятельства складываются так, что для своих долгих блужданий я выбираю пасмурные дни, поздние вечера, унылые и жаркие летние сумерки, бесменники в середине зимы. По крайней мере, любой день, когда я покидаю яркое средоточие своей норт-сентральской жизни, исподволь превращается в один из перечисленных. Мой путь ведет прочь из лучших районов Лондона сквозь слои дыма и теней. Полагаю, большинство гильдейцев здесь бы и сдались, случись им поддаться неистовому порыву и зайти столь далеко. Полагаю, все эти лица неопределенного

возраста, что глядят на меня плотоядно через дыры в кирпичных стенах, и приглушенная детская суета как впереди, так и за спиной, должны бы зародить в душе страх. Но тут живут люди; я и сам жил, хоть с той поры и сменился Век. Поэтому я иду дальше и огибаю высокие стены Тайд-смита, где однажды проработал целое счастливое лето. Детская беготня прекращается. На меня больше не тарашатся горгульи. Мой практичный и неброский наряд — темный плащ и высокие сапоги, которым нипочем грязь, пусть они и красноречиво блестят, как блестит лишь начищенная дорожная обувь — выдает человека при деньгах. Но я же не ношу эти деньги с собой? Нет... По крайней мере, мне кажется, что именно об этом шепчутся похожие на призраков дети с серыми лицами, кучкуясь в переулках. Да к тому же гранд-гильдеец. За грабеж и убийство светит такая кара, исполненная мерзавцами-полицейскими, что планы теряют свою привлекательность. Еще у меня наверняка были причины, чтобы заявиться сюда — или, может быть, я чокнутый, и оба варианта тревожат одинаково. У меня нет ни трости со скрытым клинком, ни дубинки, никакого очевидного оружия, нет даже зонта, хотя пасмурная погода предвещает дождь; и все-таки, если устроить засаду там, впереди, где дома сдвигаются, как нахмуренные брови — поди знай, какие причудливые гильдейские заклинания я применю...

И вот я невозбранно плетусь по вонючим улицам, потерявшись в раздумьях; я заблудился, но цель пути мне в общих чертах известна. Есть лучшие способы обогнуть дальние окраины Истерли и выйти к свалкам, однако я, стоит признать, в долгу перед этими местами. У главных речных причалов на набережной и в Риверсайде болтаются лодочки и маленькие паромы, способные доставить вас прямо сюда, если вы тайком заплатите несусвет-

ную таксу. Но их клиентура в основном пьянь мужского пола, которая, в полночь выбравшись нетвердой походкой на крыльцо какого-нибудь гильдейского дома или дворца, вдыхает угольный дым и решает, что ни ждущая дома жена, ни бордель, ни даже дом грез не годятся, в отличие от иного способа завершить день. И так, вперед, к промозглой шири Темзы, где грандмастера в черных плащах и цилиндрах торгуются и пыжата, а потом забираются на борт хлюпающего корыта, словно стайка летучих мышей во хмелю. Чихает мотор, чья-то рука ложится на руль, шелестит парус — и в путь.

Мне кажется, во всех местах, где поселилась нищета, время как будто замирает, но это особенно отчетливо ощущается здесь, где дома становятся все более хлипкими и в какой-то неуловимый момент, как во сне, перестают быть домами и делаются лачугами из награбленного кирпича, фанеры и штукатурки. Они подобны театральным декорациям к пьесе, чей смысл я, невзирая на собственное прошлое, так и не понял. И местные жители — те люди вне гильдий, которых мы зовем мизерами, — обретаются так далеко от средоточия богатства, яркого мира, где поселился я сам, что отголоски их разговоров вызывают изумление: пусть и исковерканная, но все-таки английская речь. Внезапно посреди серого сумеречного безвременья меня перестают игнорировать. Поразительно, что дети — теперь они младше и безобиднее, со щенячьими глазами на худых и бесцветных, как опаленная солнцем кость, лицах — приближаются и предлагают... деньги. Тянут ладошки с тонкими, цепкими пальцами. Бесконечные пенни, фунты и фартинги. Сокровища.

— Возьмите, гильдмастер. Обменяйте на славный пенни...

— Товар что надо, лучшие заклинания,— подхватывает девочка постарше, запаршивевшая до такой степени, что в волосах просвечивает плешь, и протягивает мне сложенные чашечкой птичьи лапки, в которых лежит нечто вроде горстки бриллиантов.

— Хватит на целый век. Хватит на всю жизнь...

Скопище детей растет, они чувствуют мою нерешительность, и чем больше блестящих глаз устремлено на меня, тем сильнее сгущается зловоние. Беспризорники одеты в старые шторы, брезент, мешки. Тут и там кокетливо выглядывают оборки посеревших от носки рубашек, точно хлопья грязной морской пены. Меня не страшит нож или засада, но эти простодушные менялы... И деньги, конечно, тают. Я это чувствую, когда беру одну монетку, чтобы получше рассмотреть — меняла безропотно наблюдает,— и кругляш в моих пальцах становится рыхлым, легким, зернистым.

Интересно, кто купится на такой трюк — неужели среди полуночных гостей попадают настолько пьяные или отчаявшиеся? Впрочем, чары действуют и на меня. Я выбираю дитя, которому хватило сообразительности сотворить наиболее ценный с виду товар, то есть вовсе не деньги и не драгоценности, а смятые гильдейские сертификаты, облигации и векселя; хватаю бумажку, наощупь похожую на зимний туман, сжимаю в кулаке, взамен швыряю всю мелочь, какую нахожу в кармане, и еще больше рассыпаю, спеша прочь.

Здесьняя Темза совсем не похожа на ту реку, которая мне знакома. За берегом, безжалостно утыканным причалами, устремляется к самому горизонту ровная и блестящая поверхность. Вопреки обстоятельствам, она поражает чистотой и кажется черной и твердой, словно полированный гагат. Крошечные паромы, не рискуя соперничать с течениями, болтаются где-то в оловянной вечерней дали. Они, как

и озаренные дивосветным сиянием холмы Конца Света, принадлежат иному миру. К этому моменту от детей остались лишь воспоминания. Впереди меня ждет смрадный перешеек, существующий отдельно от всего, кроме реки. Здесь все звучит иначе, и чайки снуют над водой в причудливой тишине. Как гласит вовеки ненаписанная хроника, в этом месте у свалок и сточных труб притулились оплетенные кукушечьим плющом и процарапанные на фоне неба останки недостроенного железнодорожного моста, по которому, следуя из Роупуолк-Рич, можно было бы пересечь Темзу и попасть напрямик в Новый век. Мост до сих пор высится над городским мусором, как опрокинутый венец. Он обрывается там, где второй пролет склоняется пред рекой и машет балками, словно тонущий жук. Я бреду под его скелетом, цепляясь за скользкие бетонные выступы; зеленоватая латунь опорных частей исчеркана гильдейскими письменами. Пластина с гербом создателя поржавела и обросла ракушками, но все еще излучает слабый эфирный свет вложенного в нее замысла. Я нахожу перчатку от водолазного костюма. Шкив. А также прочий бесчисленный мусор, принесенный рекой: жестянки и подметки, склизкие веревки и кондомы, мозаичную россыпь керамических обломков и труб.

Мой путь лежит вверх и вдоль того пролета, который по-прежнему простирается над водой, и я стараюсь не зацепиться плащом за какую-нибудь подпорку. Теперь подо мной завитки тумана; над быстрой черной водой среди береговых устоев вертятся и крутятся смутные образы, в которых можно углядеть сходство с конечностями или лицами. И кажется, что мост растет, окружающие меня балочные фермы увеличиваются в размере. Но я тут уже бывал и кое-что знаю о способах, которыми защищаются подменыши. Сердце мое колотится, потные ладони скользят, однако

я настойчиво продвигаюсь, чтобы вскоре вновь очутиться на разрушенном мосту незванным гостем, стиснутым меж сушей, рекой и собственной неутолимой жаждой.

Почти добрался: вблизи от того места, где парапет наконец отваливается, к мосту прицепилось скопление мертвого металла, стекла и принесенного рекой мусора. За ним виднеется раскинувшийся Лондон; суета, паромы, чудесные деревья и изысканные здания. Взираюсь на далекую платформу, ныряю в ребристую клетку сигнального мостика, где все утыкано осколками стекла и фарфора с намерением то ли предостеречь чужаков, то ли украсить территорию. Учитывая все обстоятельства, воздух здесь на удивление приятный. Пахнет в основном ржавчиной.

Подменьш, называющая себя Ниана, обитает среди теней в дальнем конце этого туннеля и, кажется, всегда ждет меня в своем жилище, похожем на вигвам. Она шевелится при моем приближении и манит из недр превратившегося в лохмотья древнего подвенечного платья.

— Грандмастер... — Присев на корточки в самом дальнем и темном углу, она изучает меня в мерцании чаши с награбленным дивосветом. «Ты все-таки решил прийти...»

Ее голос звучит лишь в моей голове, а тон — небрежный, светский, ровный.

Я продираюсь сквозь многослойные отсыревшие занавески, при всей своей неуклюжести осознавая, на какие подвиги пришлось пойти ради сооружения этого обиталища, втиснутого посреди умирающих балочных ферм. Покосившаяся доска, к которой я прислоняюсь, чтобы перевести дыхание, когда-то могла быть грузовым поддоном, принайтовленным к качающейся на волнах палубе какого-нибудь парохода в Северных морях. А дальняя стена, испещренная тысячами отверстий для заклепок, через

которые проникает сумеречный свет, явно была частью наружной обшивки какого-то крупного механизма. Тусклый свет смешивается с эфирным сиянием дивосвета, проникающая сквозь мутный глаз старого иллюминатора, струясь по замысловатым стеклянным трубкам, предназначение которых от меня целиком и полностью ускользает — я же по-прежнему почти не посвящен в истинные тайны гильдий. Я пытаюсь представить себе борьбу, которая наверняка разворачивается посреди мусорных гор, когда ямозвери притаскивают с запасных путей что-нибудь особенно ценное. Чайки орут, драконьи вши роятся, дети бегают туда-сюда. И все из-за сломанной рукоятки, мешка суповых костей, дергающейся железяки, кучи старых ламп...

Я пожимаю плечами и улыбаюсь Ниане, разрываясь, как всегда, между удивлением, любопытством и жалостью. Рядом с тем местом, где она расположилась, фонтанирует конским волосом длинная подушка. Звеня цепочками из бутылочных крышек, я пристраиваюсь на том конце, который с большей вероятностью меня выдержит. Поодаль изгибается железный пол, повисая в тридцати футах над неукротимой рекой. Я сижу на корточках — человеку моего ранга не положено так сидеть. И все же я рад снова быть здесь. Имея дело с подменьшем — и неважно, насколько часто случаются такие встречи, — я всякий раз испытываю бередящее душу предчувствие, что сегодня наконец-то стану свидетелем разгадки некоей утраченной, замысловатой тайны.

Ниана — то ли дитя, то ли старая карга — встает, как обычно демонстрируя серые босые ступни, и принимается бродить по своей берлоге, напевая себе под нос и роясь в барахле, сложенном в ящики из-под чая. Вынимает шахматную фигуру — испачканную белую ладью из слоновой кости — и подносит к губам.